ВАСИЛИЙ ДРАГОСЛАВ

КИБЕР-ВОЛХ

БИТВА ЗА РУСЬ

ХТОНЬ ПРОТИВ ТЕХНОКРАТОВ

18+

Василий Драгослав

Кибер-Волх. Битва за Русь.

«Автор»
2026

Драгослав В.

Кибер-Волх. Битва за Русь. / В. Драгослав — «Автор», 2026

Древняя хтонь против технократов. Продолжение техно-былины «Кибер-Волх», переворачивающей представления о славянском фэнтези!Вольга Волх выжил после отравления братом, но враги не дремлют. Корпорация «Хронофаг» из будущего не оставляет попыток стереть Русь из истории. На этот раз они нашлют на русичей кибер-лютоворонов, морские дроны, диверсантов и орду во главе с кибер-ханом.Чтобы спасти древний Киев, кибер-богатырю придется заключить союз с дремучей хтонью. Змей-Горыныч, цитирующий Ницше, заменит ПВО. Вместе с верным викингом Сигурдом Вольга отправится на остров Буян, а затем в Сумрачную Глушь, чтобы отобрать у бессмертного колдуна Карачуна систр — артефакт, управляющий погодой.ИИ Феде в теле главного героя то и дело приходится подавлять звериные инстинкты богатыря-оборотня. Как в таком водовороте событий сохранить человечность?Вас ждут: воздушные бои с лютоворонами, схватки с викингами и драуграми, фирменный черный юмор и лихой постмодерн.

© Драгослав В., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Предупреждение 5
Глава 1. Чужой среди своих 6
Глава 2. Диверсант 9
Глава 3. Побег 13
Глава 4. Белая хворь 15
Глава 5. Ведамир 18
Глава 6. Индекс пиццы 21
Конец ознакомительного фрагмента. 22

Василий Драгослав
Кибер-Волх. Битва за Русь.

Предупреждение

ВНИМАНИЕ. ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ПРОИЗВЕДЕНИЕ.

Все персонажи, организации, события и идеологии, описанные в этой книге, являются вымышленными и созданы автором исключительно в художественных целях. Любые совпадения случайны и непреднамеренны.

Взгляды отрицательных персонажей корпорации Хронофаг не выражают точку зрения автора. Батальные сцены элемент литературного конфликта. Возрастное ограничение 18+.

Описание любых действий в книге — элемент художественного вымысла, а не руководство к действию. Книга не содержит пропаганду употребления алкоголя и наркотических веществ. Такие сцены – художественный контекст.

Глава 1. Чужой среди своих

Я не знал, сколько прошло времени. Может, час. Может, день. Может, больше. Сознание вернулось внезапно, будто меня выдернули за волосы из бездны — обратно в жизнь. Кто-то спас. Может, Бог? Я открыл глаза, огляделся.

Лежал на деревянной шконке в погребе, с решёткой на единственном крошечном окошке. Лучи света едва пробивались в этот каменный мешок. Метрах в пяти зияла массивная дубовая дверь, на вид крепкая. Выбить с петель смогу, но пока сил нет. Руки скованы цепью. Порву её — но позже. Интересно, что теперь со мной? И знает ли о провале Пётр?

— Наконец-то! — воскликнул Федя. — Я уж думал, наша песенка спета. Если бы не сила Святогора в тебе, не выжил бы от такой дозы зелья. Подсыпал твой братец. А то начал с самим собой разговаривать. Словно бы мне после смерти Махатмы Ганди и поговорить-то стало не с кем.

— Зачем Борису меня убивать? — удивился я, пропуская мимо ушей его цифровую белиберду.

— Хороший вопрос, — поддержал разговор искусственный интеллект. — Думаю, причина скоро выяснится. А теперь тебе нужно восстановиться. Выбраться отсюда успеем. Князь Всеслав наивно полагает, что ты для него не опасен в кандалах и взаперти.

— Лучше расскажи, что это было. Откуда эти летучие твари? – спросил я.

— А что здесь непонятного? — ответил Федя. — Вражеская диверсия. Дело рук корпорации «Хронофаг». Акция запугивания. Атака дронов — обычная тактика в будущем. Только там они не клюют, а взрываются. Будь на месте этих лютоворонов современные дроны, от Киева не осталось бы камня на камне. Дела плохи. Рано или поздно такой сценарий реализуют. Нужно искать средства противодействия.

— А как вы боретесь с дронами в будущем? — поинтересовался я. — Может, и нам так сделать?

— Вольга, средства радиоэлектронной борьбы сюда, в прошлое, мы пока не переправляли. Учёные полагают, что квантовый скачок они не перенесут без последствий. Ведутся эксперименты, нужно время. Да и РЭБ не уничтожает воздушного врага, а только ослепляет его, делая нас невидимой мишенью на земле. Зенитки и прочую ПВО Пётр тоже не может сюда переправить — это слишком заметно. Вся концепция «нулевого следа» пойдёт прахом. Так что на текущий момент, друг мой, решать проблему придётся нам с тобой своими силами.

— Я уже пробовал. Слишком тяжело воевать с этими бестиями. Разве что армию лучников натренировать… но крылатых роботов слишком много.

— Согласен, — сказал Фёдор. — Они нагло захватили воздушное пространство, а своего древнерусского МИГ-29 у нас нет.

— Что нам делать? — поставил я вопрос ребром.

Он задумался. Почти минуту в голове стоял ровный, безмятежный гул — будто работал его процессор. Наконец, Федя выдал:

— Для защиты городов потребуются свои, древнерусские воздушные антидроны. В сети есть упоминание о некоем трёхголовом летающем существе — Змее Горыныче. Думаю, военный альянс с ним был бы нам крайне выгоден. Эта особь умеет жечь огнём с каждой из трёх голов. Своего рода змеиный аналог мобильной системы С-400. В случае успеха переговоров, мы сможем навязать лютоворонам воздушный бой.

— А где он обитает?

— Пока не ясно. Данные противоречивы. По некоторым источникам чудище охраняет вход в царство мёртвых. Но где он расположен — неизвестно. Может быть, где-то рядом с кладбищем? — предположил я.

— Нет, — отрезал Федя. — Судя по названию, живёт в горах. Повремени с гипотезами. Оставь это дело знатокам из телепередачи: Что? Где? Когда? Погоди, я собираю информацию.

Вдруг послышался шорох, снаружи хлопнула дверь, и кто-то начал спускаться. Посетителей было несколько. На всякий случай я закрыл глаза — пусть думают, что сплю.

Ключ повернулся в замке, и дверь распахнулась. В темницу вошли князь Всеслав, мой брат Борис, Добрыня Никитич, Алёша Попович и двое коренастых дружинников.

— Просыпайся, Вольга, — властно сказал князь. — У меня к тебе вопросы, от ответов на которые зависит твоя жизнь.

Я открыл глаза и присел на шконку. Мои гости, кроме, разве что, Добрыни, враждебно уставились на меня.

— Объясни мне, молодец, как такое может быть? — начал Всеслав. — До твоего появления в городе с нами никогда не случалось подобных крылатых напастей. Как только ты появился — на Киев обрушились эти жуткие твари. Они точно не из нашего мира. Такого никто из нас не видывал. Это твоих рук дело?

Я посмотрел ему в глаза и медленно, отчётливо произнёс:

— Великий князь, поверь, я здесь совершенно ни при чём. Эти твари напали бы рано или поздно, даже если бы меня в Киеве не было.

— Допустим, — среагировал князь. — Тогда объясни, как тебе удалось одному перебить большую часть половецкого войска у Чернигова, обезглавить трёх их царевичей? К нам приехал гонец от Мстислава, рассказывает небылицы. Якобы ты сражался с половцами, вырванным с корнями дубом.

— Ну, было дело, — ответил я. — Это правда.

Князь и его спутники удивлённо переглянулись.

— Ладно, тогда другой вопрос, — продолжил Всеслав, и его глаза сверкнули хищным блеском. — Как ты убил птиц вокруг себя, даже не прикасаясь к ним? Я сам видел! Они просто падали и сгорали.

Я выдержал паузу.

— Врать не буду, князь. Но и правду открыть сейчас не могу. Истинно говорю тебе, я здесь, чтобы помочь защитить Русь-матушку.

— Я так и думал! — вмешался Борис. — Я же рассказывал тебе, великий князь, что Вольга тридцать лет не мог ни ходить, ни рукой пошевелить! А теперь посмотрите на него — его с места не смогли сдвинуть лучшие богатыри! Я подсыпал ему зелья столько, что хватило бы убить любого, а он — живёхонек! Стало быть, Вольга — злой колдун! Приехал, чтобы плести заговор.

По колючим, возбуждённым глазам Всеслава я понял: все факты свидетельствуют против меня. Он был убеждён: я нечистая сила и враг Киева. В картине мира Всеслава слова коварного виночерпия весили больше, чем клятвы отважного богатыря. Да, — задумчиво заметил Федя. — Похоже, травить людей здесь не считается преступлением, даже дурным тоном. Но мне было не до этих цифровых сентенций.

— Послушай, князь, — сказал я. — Вспомни, я ведь дрался плечом к плечу с твоими богатырями против птиц, рисковал жизнью ради Киева. Мы с тобой на одной стороне. Если я враг, зачем мне драться с лютоворонами?

— Это всё, чтобы втереться ко мне в доверие, — сухо ответил он. — Я тебе не верю. Ты скрываешь что-то важное, обладаешь колдовской силой. Значит, для нас опасен. Многие такие приходили ко двору. Их интересовало только одно — моё место. Но их уже нет, а я всё ещё жив и княжу. Так что твоим хитрым планам не суждено сбыться.

Я посмотрел в глаза гостям и понял: почти все думают так же. Борис ловко заморочил им голову. Лишь по глазам Добрыни я видел, что он думает иначе, но молчит. Из-за корпоративной солидарности, — мысленно пояснил Федя причину его холодной сдержанности.

— Последний вопрос, Вольга Волх, — князь достал из кармана и положил на ладонь кольцо Бельмондура. — Откуда у тебя этот перстень? Он принадлежит северскому князю Дмитрию, нашему союзнику, который бесследно исчез. Его дружина ищет его и не может найти. Считают, что убили половцы. Но его перстень не у них, а у тебя.

Я молчал. Это был лучший вариант. Объяснять, что князь Дмитрий и Бельмондур — одно лицо бессмысленно. Не поверят. Тем более, рассказывать о том, как я прикончил его в заповедном лесу, чтобы выжить. Вряд ли это улучшило бы моё положение. Федя сказал, мы не имеем права раскрывать детали операции посторонним.

— Ладно, с тобой всё ясно. Завтра утром тебя казнят, — решил Всеслав, сурово нахмурив косматые брови. Он торопливо вышел, словно бежал от собственного гнева, не в силах дождаться рассвета. Его свита ползла за князем.

Борис на выходе обернулся и насмешливо улыбнулся. Его взгляд говорил: "Ну вот, братец, раньше ты лежал на печи, а завтра ляжешь в сырую землю. Уже навсегда. И больше не будешь мне докучать".

Дверь захлопнулась, ключ скрипнул в замке. Спустя несколько мгновений шаги стихли. Я снова остался наедине с собой и цифровым духом. Итак, политическая картина в Киеве стала ясна. Я был здесь чужим среди своих. Пришло время действовать, пока меня не казнили. И если уж придётся спасать Киев, то ото всех врагов сразу — и явных снаружи, и от тех, что притаились в тени княжеского двора. Защитить Русь-матушку от предателей, а также спасти ее глупцов.

Глава 2. Диверсант

Борис, брат Вольги Волха, с детства был зол и самолюбив. Он считал себя куда хитрее братьев-богатырей, видя в грубой силе удел простодушных. Служба в дружине Владимирского или Черниговского князя была ему противна. Зато он обожал плести интриги, сталкивать людей лбами, плеваться ядом, оставаясь в тени. Власть — вот что манило его, добытая не мечом, а изощрённым умом и искусным коварством.

Когда Яромир и Видбор поступили на службу — один к Ярославскому, другой к Владимирскому князьям — Борис отправился в стольный град Киев. Мечта его была проста и цинична: завоевать доверие князя Всеслава и пролезть на самую вершину столичной власти.

В Чернигове он примкнул к торговому обозу, шедшему в столицу. Дни в пути тянулись однообразно, ночлеги у костров были беспокойны. На четвёртый день на обоз напали. Из леса, словно степные волки, высыпали нукеры Калин-царя. Завязалась короткая, отчаянная резня.

Горстка дружинников во главе с десятником Радомиром дралась насмерть. Поэтому, понеся потери, кочевники расстреляли их из луков, не вступая в ближний бой. Прежде чем умереть, Радомир успел забрать с собой еще двух врагов.

Могучий батыр Тугарин, предводитель атаки, сбил Бориса с ног копытом своего коня. Занесённая кривая сабля сверкнула на солнце. Жалкая, полная страха старость мелькнула перед глазами Бориса призраком.

— Пощади! — взмолился он, валяясь в пыли. — Я сделаю всё! Всё, что прикажешь!

Тугарин оскалился. Монгол видел таких — гибких, как лоза, готовых на всё ради ещё минутки жалкой жизни, вернее существования. Идеальные рабы.

— Судьба твоя теперь моя, — прорычал он. — Это клятва ничтожества. Мы дадим тебе силу. Станешь остриём ледяного клинка, который мы вонзим в сердце Руси.

Прежде чем Борис успел что-то ответить, Тугарин резким движением нацепил ему на запястье холодный металлический браслет с мерцающим светодиодом.

— Пора в школу, червь.

Мир перед глазами Бориса поплыл, окрасился в кислотные цвета и рассыпался на молекулы. Его вырвало из реальности с такой силой, что забыл, как дышать. Последнее, что увидел Борис, — это усмехающееся лицо Тугарина, растворяющееся в радужном мареве.

Затем он прошёл через два года адской трансформации в засекреченном учебном центре Корпорации «Хронофаг», расположенном в безжизненной пустыне Техаса.

Как-то раз его вывезли в Хьюстон, разрешили короткую увольнительную. Первый шок — от будущего. Небеса, пронзённые сияющими небоскрёбами вместо привычных изб, и наполненные бесшумными аэромобилями, а не своенравными жеребцами. Воздух, пахнущий озоном и стерильностью, а не лесной малиной. Голограммы, проецируемые прямо на сетчатку глаза, — а не лучи утреннего солнца, пробивающиеся сквозь ставни.

Его быстро через интегральный доступ к бессознательному научили пользоваться портативным коммуникатором, сканировать местность на предмет аномалий, читать данные с тактического планшета.

Второй шок Борис испытал — при тренировках. Инструкторы с ледяными глазами и вживлёнными в череп интерфейсами напоминали зомби. Силовые поля, обжигающие кожу за малейшую ошибку, били больнее кнута. Виртуальные симуляции, где он сражался с цифровыми голограммами русских богатырей, раз за разом умирая, пока не научился находить их уязвимости, — выворачивали его душу наизнанку и были реалистичнее любых ночных кошмаров.

Его учили тихому убийству: ядам, не оставляющим следов, диверсиям, НЛП-зомбированию людей и многому другому. Но главное — идеологическая обработка.

Ему часами показывали голографические ролики: «светлое» технократическое будущее «Хронофаг» — идеальные города, довольные, управляемые люди, полный порядок и цифровое благополучие. А затем — контраст: «дикая», «варварская» Русь, тонущая в грязи, суевериях и междоусобицах, ослеплённая мистикой. Ему вбивали в сознание: местные племена в Древней Руси — это рана цивилизации. Агенты «Хронофаг» — хирурги, которые её зашьют.

Из трусливого интригана Борис через пару лет обучения превратился в искусного диверсанта. Из него выковали в тренировочной кузнице «Хронофаг» холодного и расчётливого оперативника, мотивированного на подчинение и лояльность транснациональной корпорации. Коварство, заложенное в Бориса от природы, здесь превратили в зловещее искусство, оснащённое технологиями будущего.

Когда обучение было завершено, тот же браслет на запястье мигнул зелёным светом. Старший куратор Хью Джонсон представил Бориса какой-то «шишке» из головного офиса «Хронофаг» по имени Пол Хартман. Тот, пристально гипнотизируя агента, финально скрепил кабальную сделку сильным рукопожатием и воодушевлённо напутствовал:

— Миссия проста: дискредитировать и ликвидировать цель «Вольгу Волх». Все средства хороши. Не подведи Корпорацию.

Затем — провал в небытии. Ощущение, будто обнуляют, чтобы снова возродить.

Борис очнулся, стоя на коленях в пыли, на том же лесном просёлке. Воздух, как и прежде, дышал хвоей и кровью. Будто с ним ничего и не происходило, и его двухгодичное обучение в качестве диверсанта казалась секундным наваждением. Тугарин всё так же стоял над ним, а на его лице застыла та же усмешка. Не прошло и мгновения. Борису показалось, что это был кошмар, жуткий сон. Но нет — на запястье алела в виде змеевидной татуировки метка тренировочного центра «Хронофаг».

— Запомни, обманешь — найду, привяжу к двум жеребцам и выпущу их в чистое поле, — закончил батыр свою угрозу, словно они и не расставались с Борисом на два года.

Агент медленно поднялся. Его поза, взгляд, сама аура изменились. Страх исчез, теперь им управляла расчётливая уверенность. Да, его завербовали. В будущем это заняло два года, а в прошлом одно мгновение. Он словно зомби молча кивнул Тугарину. Ему стало лучше.

Борис вернулся в своё время, и был готов к продуктивной работе на благо корпорации «Хронофаг». Потому что он соприкоснулся с такой тёмной силой, которой до этого не знал. Глобалисты из будущего искусно сыграли по струнам его злобной души мазурку, словно мастеровитый гусляр.

Лошадей и имущество черниговских купцов кочевники забрали, а уцелевшие путники кое-как добрались до Киева пешком. Борис не терялся, а целенаправленно искал возможности. Довольно скоро диверсант познакомился с Забавой, служанкой княгини Рогнеды. Он легко очаровал её, применив техники нейролингвистического программирования — тайного искусства управления словами и жестами, тщательно изученного в тренировочном центре будущего. И вскоре та, ослеплённая любовью, упросила взять возлюбленного виночерпием к самому князю.

Новый слуга пришёлся ко двору. Пиры в Киеве шли чередой, и Борис, всегда на виду, быстро освоился. Но не вином единым завоёвывал доверие. Он стал мастером тихого навета, доведя своё искусство до совершенства.

Подавая Всеславу кубок, Борис как бы невзначай ронял: «Слышал я, княже, боярин Вячеслав твоим новым вином недоволен, говорит, будто кислое…» Шпион подмечал слабости, запоминал неосторожные слова, сеял семена раздора так искусно, что они прорастали без его участия.

Князь, видя, как сбываются «предсказания» виночерпия о чьей-то неверности, всё больше доверял пронырливому слуге. Злой язык и лесть сработали, а тёмные мысли, словно ядовитые семена, посеянные в благодатную почву, быстро дали гнусные ростки.

Когда Борис заприметил Вольгу на богатырском турнире, мир на миг перевернулся. Нет, этого не могло быть! Его брат, жалкий калека, тридцать лет недвижно лежавший на печи… а теперь этот исполин, опрокидывающий лучших дружинников? В голове замигала красной лампочкой спрятанная в глубине подсознания диверсионная миссия — убить Вольгу Волха.

В глазах потемнело от старой ненависти к брату. Теперь к ней добавилась холодная ярость агента, нацеленного на успешное выполнение миссии. Кураторам из «Хронофаг» больше не нужно было его подстёгивать — он и сам хотел убить брата.

Всё заработало само, без дополнительных внешних стимулов. Это были его мысли, и идеи, а не внушаемые ему извне, которые он принимал за свои. «Вольга всё знает. Пришёл отомстить за все насмешки», — прошипел внутри голос паники, но он тут же был задавлен железной волей и внушённым ему корпоративным гневом против любой из угроз благополучию «Хронофаг».

В его сознании всплыли тактические данные: «Цель Вольга Волх. Обладает аномальной физической силой. Уязвим для ядов». Инстинкт самосохранения и долг перед Корпорацией слились воедино. Решение было очевидным: Отравить брата. Тихо, верно, без промаха и дополнительных мук для него.

Когда после битвы с лютоворонами Вольга попросил воды, Борис рванул на кухню. Рука не дрогнула, когда он всыпал в ковш синтетического яду из своего неприкосновенного запаса. Вдруг дверь распахнулась, и на пороге появилась Забава.

— Боренька, ты жив! — с криком бросилась она к нему.

Борис судорожно прижал ковш, отвлекаясь на объятия. Он не успел досыпать всю дозу, но в суматохе посчитал, что хватит. Его аналитический ум быстро оценил ситуацию: риск разоблачения высок, но вероятность успеха всё ещё перевешивает. Судорожно сглотнув, отдал брату отравленный ковш.

Но злодей просчитался. Борис не ведал о богатырском духе Святогора, перешедшем к Вольге, а также о биоэнергетическом потенциале организма Волха, контролируемого имплантом. Яд подействовал, но не на смерть. Ужас, сковавший Бориса при виде живого и невредимого брата, был столь велик, что перешёл в яростное желание добить его любым способом. И он нашёл как.

Виночерпий приступил к князю с шепотком, что Вольга — колдун. Мол, был парализован тридцать лет, а затем, силушку получил от нечистой, и лютоворонов губит взглядом, порчу наводит. Значит, любого человека сможет сжить со свету. Даже князя. Слишком опасен.

Его слова были выверены, как выстрел снайпера, и попадали точно в цель — в самые тёмные страхи Всеслава. Прежние доносы Бориса всегда находили подтверждение, и князь, уже напуганный необъяснимым могуществом чужака Вольги, охотно поверил.

Доблестный меч вновь проиграл ловкой интриге, доведённой технологиями будущего до уровня высокого искусства. Несмотря на сдержанные возражения Добрыни Никитича, который сражался плечом к плечу с Волхом и верил в честность боевого братства, едва подававшее признаки жизни тело богатыря бросили в темницу.

Наблюдая за тем, как отключившегося Вольгу уносят стражники, Борис не радовался. В его памяти мимолётно мелькнули образы родной избы и дворика, где он играл в детстве, братьев и сестёр, облик старшего из них - Вольги, вечно прикованного к печи своим недугом.

Видения промелькнули, словно игральные карты в колоде у фокусника. Мигнули красками, затем растворились в темноте прошлого. Его это уже больше не интересовало. Он стал пиковым валетом в чьей-то колоде, которую тасовали могущественные небесные пальцы.

Важна была только цель. Вольга нейтрализован, изолирован. Но тот всё ещё жив. Миссия «Хронофаг» не выполнена. Хью будет недоволен. Борис представил, как Хартман хмурится, и ему стало невыносимо тяжело на душе. Какая-то червоточина мучила его изнутри, кусала

словно вампир. Закрыть гештальт, — думал он и повторял это снова, до конца не понимая смысла. Впрочем, тело Бориса знало, что делать. Ему оставалось только не мешать. Это просто.

Глава 3. Побег

На первых порах горечь от братского предательства жгла душу, но я гнал её прочь — сейчас надо было выжить. Федя помог мне возвести берлинскую стену между мной и чувствами к брату. Я принял как факт: он подлец.

Постепенно доля яда в теле снижалась. Снова заработала внутренняя система регенерации — как в случае с откусанным Бельмондуром мизинцем. Правда, молодильных яблок на этот раз под рукой не было. Но прежняя сила довольно быстро ко мне вернулась. Бежать решил на рассвете.

План был прост: порвать цепи, вынести дверь плечом, проложить дорогу напрямки сквозь стражу. Силушки богатырской, унаследованной от Святогора, хватило бы для этого с лихвой. Но судьба, как часто бывает, подбросила другой сценарий.

В предрассветной мгле, воровато скрипнув, приоткрылась дверь. В щель проскользнула тень. Адреналин ударил в голову. Я было подумал, что стражник-предатель или новое коварство Бориса. Но это была она — Рогнеда.

Без свиты, одна в подземелье, и от этого её появление казалось почти миражом. Что она здесь делает? Зачем пришла?

Дистанционный биоскан показывает: Рогнеда, похоже, с нами в союзе, — сухо ответил Федя.

Приложив палец к губам, княжна бесшумно подошла и ловко, знающим движением, отперла невесть откуда взявшимся ключом византийские кандалы.

— Зачем ты так рискуешь ради меня, Рогнеда? — выдохнул я, почувствовав, как с запястий спадает ледяная тяжесть.

— Всеслав не мой князь. Он убил любимого Ярополка, а меня взял как трофей, — её голос был тих и ровен, но в нём звенел закалённый годами металл ненависти. — Освободить тебя — малое, что я могу сделать назло душегубу. Мой муж безумен и слеп, раз готов лишить себя и Русь такого бойца накануне войны с воронами-демонами.

Она протянула мне вещи. Холодное кольцо Бельмондура уютно нырнуло на палец, увесистый меч-кладенец, словно продолжение тела, нашёл ладонь, прохладная кольчуга отца, пропахшая дымом и старыми битвами, приятно укутала плечи, будто тёплое одеяло холодным утром.

— Перстень я взяла у спящего мужа. А доспехи тебе вернул мой друг Добрыня.

Я сердечно поблагодарил её. Затем мы вышли из темницы. Стражник у входа спал непробудным сном. Рогнеда лишь бросила на него печальный короткий взгляд.

— Не бойся за него. Егорка отведал моей медовухи… на сонных травах. Боги Дрема и Угомон теперь — его лучшие друзья до полудня. Надеюсь, князь не казнит его за беспечность. Но твоя судьба важнее.

На улице воздух, ещё ночной, влажный и густой, освежил лицо, пахнул мокрыми досками, дымом и утренней прохладой. Я сделал глубокий вдох, впервые за тягостные часы плена чувствуя себя свободным.

— А ты не боишься? — снова спросил я. — Если Всеслав узнает…

Она молча покачала головой, и в её глазах я прочёл тот же ответ, что звучал в голосе: ей уже было всё равно.

«А я ведь тебе говорил, — удовлетворённо хмыкнул Федя. — Умная женщина при дворе — интрига в кубе. Недаром некоторые историки полагают, что трактат Государь написан был на самом деле женщиной — Николеттой Макиавелли».

Могучая тень отделилась от ствола старого дуба.

— Вольга, — окликнул меня Добрыня Никитич. Он был в кольчуге, при мече.

— Не держи на князя зла, — начал воевода, подходя ближе. — Всеслав… ныне сам не свой. Ухо его отравлено лестью, а разум хмелем затуманен. Дай Бог, одумается. Только не покидай Киев. Он сейчас как дитя малое — беззащитен перед воздушной угрозой.

— Я и не собираюсь, — ответил я твёрдо. — Но защищать я пришёл не княжеский терем, а всю землю Русскую и народ наш. Прежде всего — сёла, женщин, детей и стариков. Не все в гриднице понимают, что грядущая битва не за власть, а за жизнь. Что мы не за столом переговоров, а на нем.

Я поделился с Добрыней своим отчаянным замыслом — найти Змея Горыныча, убедить его защитить Киев от лютоворонов. Лицо богатыря омрачилось.

— Тёмное дело затеваешь. Эта тварь — испокон веков наш враг. Много деревень пожёг и людей погубил. Призовёшь его на помощь, а он обманет, обратит пламя на Киев, поможет врагу. Ещё хуже будет.

— Времена лихие требуют дерзких мер, — парировал я. — Пока у нас в небе нет своих соколов, придётся договариваться с ястребами.

Он в сомнении покачал головой. Я не мог открыть Добрыне все карты — например, то, что Федя уже изучил все возможные тактики против новых воздушных атак.

«Добрыня не предлагает альтернатив, а лишь отвергает рабочий вариант, — заявил Федя. — Нам требуется в воздухе достойный противовес лютоворонам, с большей мощностью и скоростью. Ваш древний Горыныч подходит на роль архаичной ПВО оптимально».

— Подскажи, друг, где искать этого зверя? — спросил я богатыря.

Добрыня вздохнул, но, видя мою решимость, сказал:

— Говорят, логово его — в пещере на горе у Калинова моста, через реку Смородину. Многие богатыри пытались его одолеть, но на месте срубленной головы тут же вырастает новая. А живёт он там, ибо сторожит вход в царство мёртвых и вечной зимы, что начинается за тем колдовским мостом.

Я крепко пожал руку Добрыне и кивнул Рогнеде в знак благодарности. Затем наши пути разошлись во тьме. Крепостной двор был пуст. Тенью прокрался к стене, за которой уже зарождалась новая, полная опасностей жизнь. Повернул кольцо Бельмондура, шепнул заклинание, которому научила меня Лана, — и мир поплыл, сменившись стремительным полётом ясного сокола.

Федя уже выводил в моём сознании координаты. Мы летели реке Смородине. Там Леший с его петлями. Страшно. Но другого выхода не оставалось. Ведь если небо будет принадлежать врагу — никакой систр уже не спасёт. Сперва — победа над лютоворонами. Затем — артефакт. Только так.

Глава 4. Белая хворь

Мой полёт прошёл штатно. Долетели до смертоносного места быстро. Воздух здесь был густым и мёртвым, он не освежал лёгкие, а тяжело наполнял их, словно вода. Звуки глохли, не долетая до скал. Рассвет казался серым, выцветшим, будто эта часть мира, если даже и не полностью забыта солнцем, то, по крайней мере, оно дарит сюда самый скудный и тоскливый луч.

Калинов мост через реку Смородину прямо плавился, словно был построен из углей. Рядом с ним возвышалась приличных размеров гора с пещерой, явно уходящей глубоко в основание. Логово Змея. Вокруг валялись обглоданные человеческие кости и черепа, а также останки домашнего скота. Похоже, что институт субботников у чудищ не в чести. Из пещеры воняло.

Я подлетел поближе к мосту, обернулся назад в богатыря. Мурашки высыпали на кожу, словно рой встревоженных **ос.** Волна адреналина захлестнула меня почти с головой, но Федя её погасил, не позволив мне в ней захлебнуться.

Лишь только я сделал несколько шагов в сторону моста, из глубины горы раздался дикий и злой рёв. Меч-кладенец, мне показалось, ожил, тихо и тревожно зазвенел в ножнах. Руны на нём затрепетали, словно листья на ветру, и пришли в движение. Реакция на близость жуткого врага и царства мёртвых.

Из пещеры выполз гигантский змей с бочкообразным туловищем и тремя головами. На спине шевелились два кожистых крыла, похожие на драконьи. Из пастей при дыхании вылетала небольшая струя огня, словно внутри находилась гигантская зажигалка.

Есть чем прикурить, — пошутил Федя и продолжил: Хорошо, что ты не куришь. Шансы выше — подольше пожить и врагов из «Хронофаг» уничтожить по максимуму.

Как вести переговоры с этой тварью, я не подумал. Впрочем, Змей сам обратился ко мне — и вполне себе с человеческой русской речью.

Первая из его голов сурово заявила, что моя смерть близка. Дескать, можно теперь перестать бояться жить. Затем, добавила, что быть смелым поздно, так как дышать мне осталось недолго.

Это цитата из немецкого философа Ницше, — буднично, словно заправский библиотекарь, проинформировал меня Федя.

Затем в монолог первой головы змея вмешалась вторая, которая заявила, словно бы соревнуясь в словоблудии, что смерти меньше всего боятся те люди, чья жизнь имеет наибольшую ценность. Раз так, значит, этот бесстрашный муж, похоже, чем-то может быть полезен, пока жив. Предложила меня не убивать, а послушать, что я скажу.

А вот эта цитата уже из другого немецкого мыслителя — Канта, — продолжил просвещать меня искусственный интеллект.

Тебя послушать, так все лучшие пустомели были готами, — мысленно ответил я Феде.

Тем временем третья голова змея не осталась в плену безмолвия. Она заявила, что я слишком беспечен, раз пришёл сюда один к мосту на верную гибель. Значит, русич уже мёртв. Поэтому может свободно пройти дальше.

А это изречение Будды, — заметил Федя.

Затем, головы змея вступили в ожесточённый спор: что дальше делать? Пропустить через Калинов мост, убить или не пускать.

Мы с Федей поняли, что этот мерзкий драконозавр был не чужд философских размышлений, и при других обстоятельствах вполне мог бы оказаться недурным собеседником. Когда столетиями живёшь в пещере, охраняешь мост, времени девать некуда. Поэтому философские мысли поневоле полезут в голову. А если их три — то тем более.

Я, разумеется, не стал продолжать тему о смысле жизни. В этом месте было физически противно находиться, хотелось побыстрее убраться отсюда. Я представился и попытался как можно скорее выполнить свою смертельно опасную дипломатическую миссию. Без обиняков сказал змею, что людям в Киеве очень нужна его помощь в ликвидации огромной стаи злых лютоворонов из агрессивного будущего.

— Если их не уничтожить, то они и до тебя доберутся, — попробовал я запугать Горыныча.

У всех трёх голов змея при словах о необходимости помочь киевлянам отвисла челюсть от моей дикой наглости. Первая из них немедленно ностальгически поведала мне о том, что и сама с удовольствием в прошлом жгла людей — не только богатырей, но и мирных.

Вторая голова чудища подтвердила, что, согласно его драконовским правилам войны и зверским принципам, дескать, это вполне допустимо. Третья же голова змея просто молча скалилась, опешив от моей дерзости. Она, видимо, посчитала меня отчаянным безумцем.

И тогда я подумал, что прав был Добрыня. Я даром теряю здесь время, пытаясь заключить сделку с этим глубокомысленным исчадием ада. В голове, словно вспышка молнии, сверкнула соблазнительная богатырская мысль: одним ударом рассечь ему все три забитые басурманской философией башки и покончить с этим злобным ящером раз и навсегда.

Но в переговоры вмешался Федя. Он подсказал мне хитро спросить Змея о том, как поживает его семья. Ведь не может не быть даже у такой злобной философской бестии никого на белом свете из близких.

В ответ на мой неожиданный вопрос тварь не просто помрачнела — она будто сдулась. Шесть змеиных глаз уставились в землю, и мне показалось, что в них навернулись огромные, маслянистые слёзы. Звероящер внезапно разоткровенничался и поведал мне о том, что двое его маленьких змеёнышей заболели белой хворью. Дескать, жизнь в их мелких тушках еле теплится.

Его жалобы меня не удивили. А с кем ещё ему поделиться в этом жутком месте своей тревогой? Запирать её в себе было просто невыносимо. И потом, возможно, он считал, что после нашего разговора сожжёт меня. А пока — почему бы и не облегчить свою змеиную душу? Ветеринарной помощи ему ждать было неоткуда. Смотреть же, как любимые детёныши гибнут, и ощущать своё бессилие под ударом судьбы, было невыносимо даже для этой мерзкой твари.

Я начал развивать свой дипломатический успех. Побыл минут пять друидом для Горыныча, помог змею преодолеть отцовский стресс с помощью эмпатии. Так то, что я говорил, назвал Федя. Затем, по его совету, я заявил, что знаю того, кто может вылечить его змеёнышей от белой хвори. Но если у меня получится, то Горыныч в счёт уплаты долга поможет мне защитить многострадальный Киев от лютоворонов.

Змей посопел с минуту, попыхтел в свои широченные шесть ноздрей и кивнул.

— Согласен, — просипели его глотки в унисон. — Но знай, — заявила первая голова из трёх, — если нас обманешь, гореть тебе и Киеву не от воронов, а от нашего пламени.

— Ты не похож на других богатырей, которые приходили сюда, чтобы нас убить, и умирали здесь, — добавила вторая голова крылатого ящера. — Веет от тебя чем-то странным: не живым, но и не мёртвым.

— А самое необычное — что ты не хочешь нас убить. Впрочем, понятно почему: наш огонь может спасти жалких людишек, — рассудительно прорычала третья голова змея и добавила: — А этот хитроумный смельчак — не худший из них.

Верно говорят корейцы, — резюмировал Федя: «Даже тигр любит своих детёнышей».

Жать чудищу его гигантскую когтистую лапу в знак заключения нашей сделки я не стал. Недолго думая, обернулся ястребом и полетел к Антоньевым пещерам в окрестностях Чернигова.

Теперь мне нужен был друид Ведамир, о котором рассказала Лана. Я верил и надеялся, что он выручит. Змеёныши Горыныча ведь тоже звери, имеют право на ветеринарную помощь, точно так же как и какая-нибудь домашняя болонка с благородной родословной.

Сначала разберёмся с вражескими лютоворонами, — строил планы Федя в полёте. Затем, придёт черёд и змея. Если он не станет вегетарианцем — ему же хуже. Нюрнберга не будет. Сразу к стенке. Здесь Добрыня оказался абсолютно прав. Временный союз как вариант — да. Дружба — нет. С такими мыслями отправился в путь к Десне.

Глава 5. Ведамир

Он оказался отнюдь не седовласым старцем. Ни говорящей совы на плече, ни магического посоха. Передо мной стоял коренастый мужчина с широким добрым лицом и умными голубыми глазами — точь-в-точь лесник. Я нашёл его именно там, где сказала Лана, — под раскидистым дубом. Он размышлял. Очереди из пациентов к нему не было.

Я обернулся из ястреба обратно в богатыря и приветствовал его. Ведамир не удивился моему преображению. Было видно, что это для него не в диковинку.

«Вольга, сканирую биополе целителя, — голос Феди прозвучал внутри с лёгким удивлением. — Его показатели биоэнергетической плотности зашкаливают. Это ходячий сгусток биоэнергии. Причина не ясна. В базах данных на этот счёт ничего, слепая зона».

— Приветствую тебя, Ведамир. Я от Ланы, — сказал я. — Она говорила, что ты добрый человек и искусный знахарь, который поможет в трудную минуту. Этот момент настал. Речь идёт о жизни и смерти.

Я кратко описал ему весь расклад: лютовороны, Киев, Змей Горыныч и его больное потомство.

— Если не вылечить его детёнышей, он откажется нам помогать, — заключил я.

Ведамир молча кивнул, без лишних слов собрал свою дорожную суму с травами-муравами, обрядовым серпом и прочими друидскими штуками. Помолился Святобору.

— Ведамир… а если не получится? — тихо спросил я. — Он же чудовище. Допустим, его детёныши умрут, змей же нас за миг спалит. Тогда всё пропало, Киеву не помочь.

Друид обернулся ко мне. Его взгляд был спокоен и ясен.

— Во-первых, получится. Я знаю зверей лучше, чем людей, ведаю об их хворях. Во-вторых, — он указал рукой на окружающий лес, — силы этой земли не оставят нас, Святобор не обделит духом. А в-третьих… чему быть, того не миновать, Вольга. Сомнения сейчас — смерти подобны. Ты сам сказал, что другого выхода, чтобы спасти людей, нет. Говорят, в Киеве стали забывать старых богов. Может, этот поступок напомнит им, откуда берётся настоящая сила.

Невозмутимость друида была заразительна. Я без лишних слов обернулся орлом исполинского размера. Ведамир взгромоздился мне на спину, и мы полетели. Пришлось побыть аэротакси. Что не сделаешь ради мира на Руси и спасения тысяч жизней?

Через пару часов мы приземлились у Калинова моста. Ведамир был крепок духом — его ничуть не смутили ни зловоние, ни устрашающий вид Горыныча. Тот разрешил ему пройти в пещеру, где мучились от жара и белой сыпи отпрыски звероящера.

Спустя пятнадцать минут Ведамир вернулся с глиняной чашей и попросил набрать воды из чистого ручья, а не из Смородины. Я мгновенно выполнил его просьбу.

Трое суток Ведамир не отходил от больных змеёнышей. Мы спали в шалаше, питались ягодами и зеленью, которую собирали. Рыбу из Смородины друид есть запретил, а дичи здесь не было. Каждое утро знахарь молился Святобору, лесному богу. В те времена христианство ещё полностью не выжило языческих идолов.

В первый день наша ветеринарная миссия чуть было не провалилась. Змеёнышам становилось совсем худо. Мы опаздывали. Ведамир нашёл меня и возбуждённо сжал мою руку в районе локтя.

— Белая хворь уходит в нутро зверей. Если не поторопимся, змеёнышам конец. Нужен корень ледоцвета, чтобы их спасти. Он растёт только у берега реки Смородины, где деревья не отбрасывают на воду тени. Найди его. Но будь осторожен — это может быть опасно. Когда найдёшь, оберни в суму и ни в коем случае не нюхай.

Я согласно кивнул. А что ещё мне оставалось делать? Друид описал, как выглядит растение, и я отправился на поиски.

Примерно через час я нашёл участок реки, на который деревья действительно не отбрасывали тени. Там, прямо у кромки воды, росли пучки ледоцвета. Я набрал несколько цветов, но, вопреки предупреждению Ведамира, не удержался и понюхал один из них.

Это было большой ошибкой. На меня накатило облако густого, молочного тумана. Видимость — нулевая. Куда идти? Что делать? Звать на помощь?

«Федя, где я? Что со мной?»

«Похоже, ты попал под воздействие токсичного зелья, — раздался словно бы издалека голос моего кремниевого напарника. — Будь осторожен. Химический эффект отравления дурманом должен сойти на нет, но нужно время».

Вдруг из тумана на меня начали нападать лютовороны. В отличие от киевских, они были не чёрными, а алыми, а их глаза сверкали маленькими жёлто-белыми молниями. Я выхватил меч-кладенец и начал рубить злобных птиц одну за другой. Казалось, моя битва продолжалась целую вечность. Затем крылатые твари исчезли, словно кто-то засосал их гигантским пылесосом.

Туман сгустился, стал тяжёлым и вязким. Послышалось шипение. Я посмотрел на землю. Из белой пелены на меня поползли полчища ядовитых змей: гадюки, кобры, тигровые, энгидриды, морские и многополосые крайты, тайпаны, двухцветные пеламиды, а также сетчатые. Я попробовал рубить их так же, как и лютоворонов, но тварей было так много, что я понял — не справлюсь.

Спасла только способность оборачиваться в птиц. Я быстро произнёс заклинание, затем обернулся в огромного аиста. Змеи в ужасе с жутким шипением начали расползаться от меня в разные стороны. Если бы аисты умели смеяться, я бы расхохотался, но у меня ничего не вышло.

Туман вокруг стал редеть, таять, как утренний пар над рекой. Спустя некоторое время очнулся, лёжа на берегу Смородиной. Очевидно, я замертво рухнул в беспамятстве ровно на том месте, где так неосторожно нарушил наставление Ведамира. Взяв суму с опасными цветочками, я поспешно ретировался к пещере Горыныча.

Когда я вернулся и протянул суму с ледоцветом целителю, Ведамир как-то странно посмотрел мне в глаза.

— Похоже, ты всё же нарушил мой наказ, — встревоженно произнёс он. — У этого поступка могут быть последствия. Но сейчас нам не до того. Обсудим позже.

Он ушёл в пещеру продолжать лечение отпрысков Горыныча.

На четвёртый день хворь от них отступила. Ледоцвет сотворил чудо. Змеёныши, щурясь от солнца, выползли из логова и закурлыкали. Каждая из голов тварей то и дело норовила ткнуться носом Ведамиру под мышку. У них даже за это право были мини-схватки между собой, с укусами и пусканием маленьких огненных фейерверков. Но голова каждого из них была настолько велика, что всякий раз упиралась в грудь могучего целителя, а не в его подмышку. Ну хоть что-то. К нему они начали относиться как ко второму отцу. Похоже, даже не помышляли его жрать, тем более жечь. Чувство благодарности и зверям не чуждо.

Горыныч не находил себе места от радости, сбрасывая со скал глыбы и хлопая крыльями. Когда он, наконец, успокоился, я жестом пригласил его возобновить наши переговоры.

— Мне нужно в Киев, — сказал я. — Лютовороны могут напасть в любой момент. Ты готов выполнить свою часть сделки?

Тварь утвердительно кивнула.

— Но есть условие, — продолжил я. — В благодарность за спасение потомства дай зарок не жрать и не жечь больше русских людей.

— Моя обязанность — охранять Сумрачную Глушь от живых, — прошипела первая голова змея. — Если славянский богатырь-оболтус явится сюда самоутверждаться, мы будем обороняться. Никакие зароки нас не остановят. Счастье зиждется на инстинктах.

«Она опять цитирует Ницше, — пояснил Федя. — Довольно начитанная тварь».

Вторая голова Горыныча подхватила эстафету у первой заявив:

— О сердце человека можно судить по тому, как он обращается с животными. Когда русские приходят хладнокровно убивать нас ради богатырской славы, их сердца окутал сумрак смерти.

«А эта снова обращается к высказываниям Эммануила Канта», — усмехнулся Федя.

Третья голова также не осталась в стороне от философского диспута, примирительно заявив: — Даже для трёхглавых тварей найдётся место в человеческом сердце. Пусть никогда ни одно живое существо, каково бы оно ни было, не узнаёт, горя.

«А третья голова снова цитирует Будду, правда, несколько искажённо», — сухо подытожил мой цифровой гуру.

— Это разумно, — согласился я. — Я тоже за счастье всем — и тварям, и людям. Но жизнь порой вносит свои коррективы в эту идиллию. Прошу тебя, Змей Горыныч: набеги на русские сёла и города — прекрати. Нас и так мало осталось, хотя женщины рожают по шестеро-семеро. С этого дня уймись. Если уж приспичит, питайся половцами, хазарами и прочими ворогами земли русской. А то, гляди, нарушишь зарок — и болезнь вернётся. Кто знает, может, это было предупреждение высших сил тебе за прошлые преступления.

Горыныч, скрипя клыками в пасти, кивнул.

Ведамир согласился вернуться к Десне своим ходом. Но пешком ему пришлось бы идти долго. А я был слишком благодарен ему за помощь, чтобы так просто отпустить одного в этот путь. Проблема разрешилась сама собой на следующее утро: к нашему ручью пришёл испить водицы огромный красный конь. Я таких лошадей никогда не видел — дикий, без седла, но почему-то не испугавшийся близости змеиного логова и людей.

Друид расценил это как дар от Святобора. Он медленно подошёл к дикому жеребцу-красавцу цвета зари. Конь не убежал, позволил потрепать себя по загривку. Ведамир что-то прошептал ему на ухо, и конь положил голову ему на плечо, словно знал его много лет.

— Я назвал его Святозаром, — сказал мне целитель.

Так, проблема его возвращения домой решилась. Мы обнялись по-братски. Змеёныши грустно выпустили прощальные струйки дыма, провожая своего спасителя, а Горыныч издал ласковый рёв, насколько умел. Так себе, но как смог. Не его тема. Мы видели, что старался.

Перед тем как уехать, Ведамир повернулся ко мне. Он посмотрел… нет, не в глаза, а сквозь них, через всего меня, куда-то дальше, в моё будущее и прошлое.

— Ты заколдован этим кольцом альфа-оборотня, Вольга. Я чую в тебе три духа. Один — от леса. Он свиреп и жесток, своенравен и стремителен, и связан с этим кольцом. Другой… из металла. Говорит на механическом языке без сердца. И не дух вовсе, а имитация. Связан с той вещью, что в тебе. А третий — это подлинный, которого нет ни на тебе, ни в тебе. Он над тобой - от Бога. Но задавлен первыми двумя. Чем дольше они живут в тебе, тем глубже пропасть между ними. Война внутри не поможет победить снаружи. Будь осторожен. Когда захочешь вернуться к себе настоящему — приходи, буду ждать…

Я кивнул. Ведамир пустил Святозара рысью и вскоре скрылся из вида.

Глава 6. Индекс пиццы

Фрэнк Макс уже несколько лет работал управляющим круглосуточной пиццерией «Pizza Kitchen GAC» вблизи одного из офисных зданий корпорации «Хронофаг». В ночь на 3 сентября 2037 года он с удовлетворением зафиксировал лавинообразный рост заказов со срочной доставкой в близлежащее закрытое корпоративное здание.

Фирменные пиццы разлетались словно горячие пирожки, их чаще всего заказывали оптом. Особой популярностью у служащих в эту ночь пользовалась сицилийская пицца — возможно, из-за острого соуса маринара и трёх видов мяса, а может, благодаря хрустящей тонкой корочке, которая, словно волны Атлантики, безмятежно окружала и слегка подтапливала аппетитные островки острой ветчины и сыра фонтина.

«Похоже, наши ребята из «Хронофаг» затеяли очередную специальную операцию, раз работают внеурочно и так сильно проголодались», — подумал Фрэнк и был почти во всём прав.

В департаменте дронов атмосфера оказалась не менее жаркой, чем в печи его пиццерии. Рядовые операторы возбуждённо гипнотизировали экраны мониторов, остервенело ворочая джойстики и управляя полётом огромной стаи лютоворонов, в очередной раз атакующих беззащитный древнерусский Киев. Удовольствия от нападения на мирных жителей большинство из них не испытывало — за исключением нескольких маргиналов. Тем не менее, приказ обязателен к исполнению. Тем более что работа щедро оплачивалась и давала немалые социальные привилегии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.